

Неожиданный Короленко

У Короленко была склонность к юмору, которая сказывалась во многих его вещах — от «Сна Макара» до «Истории моего современника» [особенно в детских и студенческих главах]. Да и журнальную полемику с «глинобитным патриотизмом» правого толка он всегда вел в юмористических тонах. Даже в сугубо деловых редакторских книгах со временем стали появляться шуточные записки о прочитанных рукописях.

Но вот закономерность: все свои опыты в комическом роде — рассказы, стилизации, пародии и так далее — Короленко оставил неопубликованными. Может быть, из скромности, а скорее потому, что в те времена «толстые» журналы и солидные газеты, где он сотрудничал, чуждались легкого жанра, оставляя его так называемой «малой прессе».

В жизни Короленко можно насчитать несколько периодов, когда юмористические ключи были особенно сильно. Причем всякий раз своеобразным катализатором оказывался его друг и соредатор по журналу «Русское богатство» Н. Ф. Анненский, обладавший, по слову Короленко, «благодатной жизненной радостью».

Так было и в самый светлый период — нижегородский, когда в кружке Короленко — Аннен-

ского любили устраивать веселую кутерьму с пением, пародиями, эпиграммами, каламбурами. Один ригористически настроенный петербургский гость возмутился той легкомысленной обстановкой, в которой пребывает «идейный» писатель. На что Анненский невозмутимо заметил: «Ничего, пусть говорят, что известный писатель Короленко живет в компании идиотов; тем больше для него чести».

Именно в этот период, в июле 1890 года, Короленко завел толстую тетрадь, озаглавив ее «Пустяки (Разные наброски)». Он тогда работал в Нижегородской архивной комиссии с документами XVIII века и любил стилизовать свою речь под старину. Тетрадь заполнялась в течение 90-х годов, захватив и 900-е. В нее заносились в основном исторические анекдоты, собственные стилизации, пародии, вклеивались всякого рода газетные курьезы.

Здесь же в разное время были записаны исторические и житейские сюжеты, объединенные затем в цикл «Пустяки мелкие и афоризмы», часть которых мы предлагаем читателям.

Последняя переделка текста относится ко второй половине 900-х годов. Это было для России уже совсем другое время — оно принесло новые имена и реалии, которые порою вступали в противоречие с написанным прежде. Так, в публикуемом фрагменте «Обещания министров...» первоначально шла речь о редакторах и авторах. Двух последних слов («русской конституции») не было, как не было в 1894 году и самой конституции в Российской империи.

Неоднократное возвращение к циклу как будто должно говорить о намерении опубликовать его. Тем более, что из редакции «Русского богатства» ежемесячно неслись просьбы прислать для очередного номера что-нибудь свое. Но русская жизнь то и дело ставила перед писателем нешуточные проблемы, отодвигая все написанное в благодушно-юмористическом тоне.

Так и остались «Пустяки» в архиве писателя, хранящемся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

Н. Ф. АННЕНСКИЙ и В. Г. КОРОЛЕНКО. Полтава, 14 мая 1909 г.

Пустяки мелкие и афоризмы

Что толку?

Борись со злом, но не с одеянием, в коем оно ходит. Что толку, если и изорвешь невинное одеяние, а зло останется и даже облачится в новые одежды?

О сем размыслить надлежит неразумным людям, неумеренно нападающим на иудеев. Ибо нередко против кабатчика-еврея всех испуганнее вопиет русский, сам желающий выстроить кабацкую хramину на оставленном иудеем месте.

Совет

Вот что сказал однажды мудрец человеку, отличавшемуся подобно кн. Мещерскому и М. О. Меншикову гораздо более стремительностью в высказывании своих мнений, чем основательностью оных.

— Друг! Когда намереваешься высказать или написать какое-либо суждение о человеке или явлении, то прежде размысли хорошенько: нет ли у тебя еще другого мнения по тому же предмету, прямо противоположного, которое ты уже высказал вчера или можешь столь же решительно высказать завтра. При самомалейшем хотя бы подозрении, что такое мнение существует, — прикуси язык твой, спрячь письменную трость и не оскармливай напрасно папируса. Так воздерживайся в течение трех смен дня и ночи. По истечении же этого срока обдумай вопрос вновь и тогда, быть может, ты

О воре и об адвокате

Некоторый вор пожелал украсть лежащий на пристани без достаточного надзора косяк для чего с товарищем, по зрелом обсуждении, заложив лошадей темной ночью, прибыли на оную пристань, где к огорчению своему увидели, что косяк уже унесен, а на месте его лежит 30-пудовая железная якорная цепь. Что вора нашего повергло в немалое огорчение и неохоту, ибо цепь, при ее тяжести и звонкости, воровать было весьма неудобно. Однако, по настоянию товарища, весьма неохотно, и даже против своего желания, оную цепь все-таки украл и продал, после чего был пойман спустя немалое время и для оправдания себе пригласил некоторого адвоката. Сей последний, обладая языком острым и умом изворотливым, сказал судьям так:

— Господа. Не согласимся ли мы все в том, что для осуждения сего заблудшего брата нашего необходимо соединение объекта и субъекта, то есть предмета кражи и злой воли. Мало сказать: украл предмет, необходимо доказать, что украсть оный побуждала его злая воля. Однако, что же мы видим? Сей человек, которого вы судите, — желал украсть косяк. Но украл ли он его? Нет, ибо косяка даже не оказалось на месте. Он украл цепь? Но желал ли он украсть ее? Нет, ибо он стремился к косяку, а цепь, ежели и взял, то лишь с великою неохотой. Из чего ясно, что здесь нет наличности составных начал преступления... В первом случае отсутствует объект, во 2-м — воля.

Каковому рассуждению и сам укравший восхищался до такой степени, что даже и в тюрьму пошел с удовольствием.

Не менее остроумно

Альфред Карр сказал о смертной казни: мы против оной, но пусть господа убийцы начнут первые ее отмену.

На это Клемансо еще более остроумно отвечает: хороши же вы, если ждете доброго примера от убийц!..

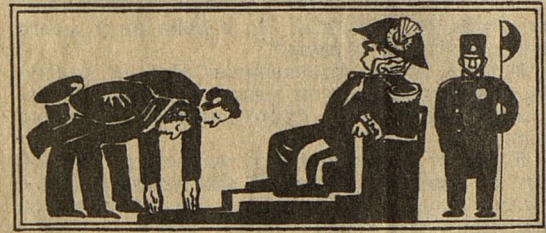
Таковы по сему предмету рассуждения суетливых французов. Наши власти имеют то преимущество, что производят казни без рассуждений.

Кто выше?

Граф Лев Николаевич Толстой в сочинении своем «Война и мир» повествует, якобы император Александр I на просьбу о непременном одолжении одного грабителя, ответил просившему: — Не могу, закон выше меня.

Мало вероятно. Ибо даже в наше просвещенное и конституционное время закон ниже любого подкаски, не говоря уже об уездных генерал-губернаторах...

Престиж русского имени, поддержанный генерал-губернатором

Газеты патристического лагеря любят улаживать читателей своих воспоминаниями о том, как остроумно разные генерал-губернаторы поддерживали на окраинах престиж русского имени. Так, Бибиков поставил казаков у ворот одного прегорного польского магната, который не очень скоро принял сего начальника, приехавшего с визитом. Другие примеры остроумия — в том же роде и подобным же образом нуждаются в присутствии при сем некоторого числа казаков с нагайками. За исключением, впрочем, одного, который хранится в личных моих воспоминаниях со времен отроческих. К киевскому генерал-губернатору Безаку явился в приемную некоторый польский пан, долго проживавший за границей и не знавший русского языка. По этой причине, когда дошла до него очередь, начал излагать свою просьбу по-немецки. На сие генерал-губернатор, не слушая дальше и повернувшись к нему спиной, сказал: — Пошел вон, дурак!

Каковым остроумным ответом польский пан, в присутствии многолюдства, — был немалое сконфужен...

Генерал Залесов в своих «Записках» в «Русской старине» называет сего генерала Безаку единственно умным правителем в Западном крае. Каковы же были остальные?

Нечто о литературной терпимости

Некоторые квартальные надзиратели изменили своему призванию настолько, что принялись за писание газетных статей, но с другой стороны, настолько остались верны первоначальному призванию, что в статьях своих проповедовали обуздание полицейскими мерами прессы, и без того достаточно обузданной. Когда же после сего один писатель не пожелал протянуть обуздательную длань для дружеского пожатия, то сей последний, взывая к лучшим традициям печати, обвинял писателя в нетерпимости к чужим мнениям.

— Уйди от меня, — ответил литератор. — Ты терпим и посему пишешь статьи о прекращении свободы мнений, а я нетерпим и потому не хочу с тобою знаться. Пусть каждый остается при своем.

Генерал Баранов о Всероссийской выставке в гор. Нижнем

Сей генерал обладал остроумием. В расчетах же своих на распоряжение миллионными, на оную выставку от казны отпущенными, весьма обманулся. Посему стал всячески оную порицать и место, в выборе коего сам принимал участие генеральское, — называл весьма негодным. В подтверждение сего говорил так: — Будучи в морской службе, приходилось мне не однажды входить в гавань Тулоны в туманную погоду. Не видя ни берегов, ни маяка и никаких других признаков, моряк руководился показаниями лота. Матрос, стоя на носу, опускает лот на дно и громким голосом кричит капитану о предметах, лотом со дна поднимаемых:

- Крупный камень!
- Средний ход, — командует капитан.
- Гравий!
- Засим: Крупный песок!
- Засим: Песок мелкий!
- Тихий ход, — командует опять капитан.
- Ил!
- Самый тихий.
- Говно, ваше благородие.
- Стоп машина. Отдавай якоря. Тулон.

Ибо город Тулон много лет уже спускает свои нечистоты в море. Что тоже сорок лет делалось на том месте, где в 1896 году имела Всероссийская выставка.

Любитель

— Что это у тебя? — спросил однажды при мне почтенный батюшка у мужичка, ехавшего вместе на волжском пароходе и имевшего при себе узел странной формы.

— А вот, — ответил самодовольно мужичок — и вынул из узла странной формы подсвечник, о трех концах.

— Где взял? — полюбопытствовал священник.

— А купил.
— Для чего тебе?
— Да как же вижу штуку такую мудреную, продаю, а дешево... Я и купил.

— Добро это. Свещник сей старинный. Ты, видно, любитель старины.

— Верно, батюшка. Любитель я. Я вон в третьем годе на балчуге штаны купил — шелковые, а вроде как бархатные, по сей день ношу, износу нет.

И, понизив голос, прибавил:

— Подсвечник купил за бумажку. Меди одной на трешник. Не иначе — ворованный. Любитель я — это верно.

И засим он лукаво подмигнул батюшке глазом...

«Крылов и фельдмаршалы»

Первоначально памятник Крылову предполагали поставить против Александринского театра. «Садик летом наполняется детьми; против него, в Публичной библиотеке, долго жил Иван Андреевич; в Александринском театре ставили его комедии... На том и порешили. Яков Ив. Ростовцев взялся ходатайствовать перед государем Николаем Павловичем через вел. кн. Михаила. Император согласился на открытие подлинки, но о предназначенном месте сказал: «Близко к фельдмаршалам».

Все великие люди выражались кратко. Тут писатель стоял бы только в полуверсте от Багратиона и Кутузова, что на Казанской площади.

Вступительная заметка и публикация
М. Г. ПЕТРОВОЙ

Le style c'est l'homme* (Buffon)

— Ты знаешь, еще Бюффон сказал: «стиль — это человек», — сказал один писатель, упражняющийся в «Гражданине». — А ведь у меня, братец, стиль...
— Истинно, — прервал его находчивый приятель, — не стиль у тебя, а лом...
Чему присутствовавшие не мало смеялись...

* Стиль — это человек (фр.).

Помнит!

У старца некоего, житейское поприще к концу уже попиравшего и опытом умудренного, спросили однажды любознательные юноши:

— Старче! Ты некогда вкусил от древа вышних наук, а ныне поприще житейское к концу уже попираешь. Скажи нам: в ковчеге памяти своей многое ли сохранил ты, что во храме наук в юных годах приобрел.

Старец поник главой и немалое время провел, вспоминая, дабы ответить прилично... А наконец, по немалому прошедшем времени подъяв главу и помавая оною, сказал:

— Помню нечто. На парте дровяной, за коей со сверстниками моими восседал в школе, неведомой рукою при помощи ножа перочинного начертано было:

«Всеу чтеши, скудельный человек!»

— Речение сие, на кое в то время по младости малое токмо внимание, за многими иными предметами, обращено было, доныне, по исчезновении всего прочего, в памяти моей весьма твердо осталось.

— Старче, — сказал некто, внимательно его слушавший, — по глубине твоей мудрости мог бы ты презрительным быть российским министром народного просвещения...

Обещания министров...

Чему уподоблю обещания правительства, приглашающего народ к упованию на его милости.

Уподоблю се мужику, держащему в руках лукошко с овсом и подманивающим мерина, гуляющего по цветущему луку. Под лукошком имеет узду, на уме — лукавые мысли: как только наденет узду, так уберет и лукошко, и мерина, презревший цветущий луг для сухого овса, — не получит к тому ни одного, ни другого.

Таковые уподобления вынесены мною из кратковременного хотя, — но достаточного опыта российской конституции.
(22 октября 1894)